

„Хрестоматии по древней русской литературе“; второй известен только в рукописи. Списки эти замечательны тем, что в них встречается обстоятельное описание битвы Навуходоносора с войсками иноземных царей, окруживших Вавилон, с подробным перечнем численности войск Навуходоносора и его врагов, с указанием имен вавилонских военачальников и иноземных царей. Здесь упоминаются „воеводы“ Навуходоносора — Тевриз Морейстрович, Атлан Вавилонский, Дяткович властеличник Болгаристр и предводители вражеских войск — цари Тракийские и Далматинские. Имена эти ввели в заблуждение акад. А. С. Орлова, который еще не так давно писал по этому поводу: „Эта «Притча», скомпанованная из книжных и фольклорных мотивов, дошла в поздних текстах, но возможно, что существовала и в XV веке (и ранее). Позволим себе высказать предположение, что она создалась у сербов, например на далматинском побережье, где сильно была западная стихия. На Балканский полуостров могут указывать заглавие — «Притча», такое название, как «Морейстрович», «Болгаристр» (Истр — Дунай) и упоминание между врагами Навуходоносора царей «Далматинских»“.¹ Но гипотеза акад. А. С. Орлова рушится, как только мы обращаемся к рукописям. Список ГИМ, Синод. № 850 дефектный, в нем не достает последней части — рассказа о послых царя Алевуя. Список Бил, Унд. № 643 полный. Сравнивая его с лучшим списком, представляющим данный сводный текст, со списком ГПБ, Титов. № 1506 (1512), мы видим, что он является многоречивым вариантом этого сводного текста, что автор его протографа склонен был, не внося существенных изменений в повествование, везде чисто фразеологически или за счет различного рода деталей расширять повествование. Картина сражения Навуходоносора им также расширена за счет „исторического“ баснословия. Если учесть, что эта работа могла осуществиться только в середине или во второй половине XVII века, тогда станет понятен и интерес автора к ней: элементы „исторического“ баснословия были нередки в литературе этого времени.

Не останавливаясь сейчас подробно на решении сложного вопроса о происхождении рассказов о Навуходоносоре и его сыне, вошедших в сводный текст этого вида, отметим однако, что если считать их поздними произведениями русского происхождения, то встречающуюся в них фантастическую этимологию имени Навуходоносора можно вести от того вида переводных памятников, один из которых в иных целях указал еще И. Н. Жданов.²

Третьим по времени образования сводным текстом, очевидно, надо считать текст, характерной особенностью которого является совершенно

¹ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 224.

² И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, стр. 42—44. — Здесь И. Н. Жданов ссылается на переводную статью, представляющую собою толкование на пророчество Даниила, и печатает ее параллельно с латинским текстом. Для нас особенно интересно следующее место статьи: „Глаголет же ся не в конх историях, яже Навуходоносор сей первое назван бысть сим именем, и сие от случая, понеже егда новорожен бысть, бе в дубраве повержен и оставлен, но по божию устроению прииде коза дикая, отроча млеко питая, яко писано есть в псалме: храний младенца господь; сова же надлете на древо надо огроком, ея же прокаженный по лесу преходя видев и начя дивитися, понеже та птица мало является в день, сего ради прилежнейше внемля узре козу сосящу отроча под дровом, его же взем кормити, сътвори его же Навуходоносором, от случая прозва. Наву бо сова глаголется в том языке, ходо — коза, носор — прокаженный“ (Список ГПБ, Соф. № 1464).